

АРХИДАМ И НАЧАЛО ПЕЛОПОННЕССКОЙ ВОЙНЫ

B. P. Гущин
(Пермь)

Конфликт между Афинами и Спартой вызревал довольно долго. Возможно, балансирование на грани войны могло продолжаться и далее, если бы не настоятельные требования начать войну со стороны мегарян и коринфян – союзников Спарты по Пелопонесскому союзу, недовольных активной внешней политикой Афин.

Коринфяне обратились ко всем членам Пелопонесского союза с предложением обсудить создавшееся положение (Thuc. I. 67. 1). «Тогда, – пишет Фукидид, – лакедемоняне пригласили и других союзников, всех, кто заявлял какие-либо претензии на афинян, созвали свое ординарное собрание и предлагали союзникам высказаться (ξύλογον σφῶν αὐτῶν ποιήσατες τὸν εἰωθότα)» (Thuc. I. 67. 3, здесь и далее пер. Ф. Мищенко).

Хотя это было обычное народное собрание, как замечает Фукидид¹, можно предположить, что оно продолжалось несколько дней. На одно из его заседаний были приглашены афинские послы, находившиеся в то время в Спарте. Их речь могла быть известна Фукидиду, поэтому кказанному послами можно отнести с доверием, во всяком случае – к некоторым высказанным ими идеям. Афиняне, в частности, напомнили собравшимся одно из важнейших условий

¹ Обращает на себя внимание то, что это было именно обычное заседание народного собрания, а не собрание членов Пелопонесского союза. «Очевидно, – пишет Д. Каган, – воинственные эфоры не были уверены, что спартанцы хотели войны» (Kagan D. Pericles the Athenian and the Birth of Democracy. N.Y., 1991. P. 211). Не исключено и противодействие усилиям союзников со стороны тех, кого условно можно назвать «партией мира».

B. P. Гуцин

ранее заключенного мирного договора – разрешать возникающие разногласия с помощью судебного разбирательства (Thuc. I. 78. 4). Однако это требование, по-видимому, было отвергнуто лакедемонянами.

Позднее спартанцы, по словам Фукидида, признаются в том, что именно они были нарушителями мирного договора и, следовательно, виновниками развязывания войны. «В прежней войне (Архидамой. – В. Г.), думали лакедемоняне, вина за нарушение договора падала больше на них, так как тогда фивяне вошли в Платею в мирное время и так как, хотя по прежнему договору и возбранялось браться за оружие в том случае, если другая сторона предложит решить дело судом, они, лакедемоняне, отвергли требование афинян явиться на суд» (Thuc. VII. 18. 2)².

Итак, выслушав речи своих союзников и афинских послов, спартанцы начали совещаться, удалив прежде всех посторонних (Thuc. I. 79. 1). На этом совещании с обширной речью выступил спартанский царь Архидам (Thuc. I. 80-85)³. Он не относился к числу тех, кто призывал к немедленному началу войны с Афинами.

По-видимому, после выступлений союзников некоторые “горячие головы” неверно представляли себе характер будущей войны. Архидам стремится развеять сложившееся убеждение. «Вы не можете жаждать войны по недостатку опыта, – говорит он спартанцам, – что свойственно большинству, и не можете считать ее делом хорошим и безопасным (*μήτε ἀγαθὸν μήτε ἀσφαλὲς*)» (Thuc. I. 80. 1)⁴. Архидам говорит, что данная война может стать серьезным и продолжительным военным конфликтом, в котором, возможно, будет участвовать и следующее поколение (Thuc. I. 80. 2, 81. 6). Кроме того, в данное время силы сторон, по мнению Архидама, не равны: «Против пелопонесцев и ваших соседей мы располагаем равными с ними силами и можем быстро появиться на любом пункте. Но как можно с легким сердцем начинать войну против народа, который живет далеко от нас, к тому же чрезвычайно опытен в морском деле и все остальное имеет в большом избытке: частные и государственные капиталы, флот, лошадей, вооружение и столь многолюдное население, как ни в одной

² Cawkwell G Thucydides and the Peloponnesian War. L., N.Y., 1997. P. 22.

³ Что касается самой речи, то остается неясным, выражала ли она подлинные мысли Архидама, или была выдумана Фукидиом. Происходившее на закрытом совещании едва ли могло быть передано огласке, поэтому у Фукидида вполне могли быть трудности с получением точной информации (Westlake H.D. Individuals in Thucydides. Cambridge, 1968. P. 124, см. также: Cawkwell G Op. cit. P. 45).

⁴ Последние слова, на наш взгляд, не вполне вяжутся с представлениями о спартанском этосе, основу которого должна составлять воинская доблесть.

Архидам и начало Пелопоннессской войны

из эллинских областей, против народа, у которого, кроме того, множество союзников, платящих дань?» (Thuc. I. 80. 3).

На что же могли рассчитывать лакедемоняне в этой войне? Очевидно, они намеревались использовать опустошительные набеги на территорию Аттики, прежде всего опираясь на свое численное превосходство. Они полагали, что в результате набегов афиняне либо выполнят требования спартанцев, либо вынуждены будут вступить в открытое сражение⁵. Спартанцы считали, напишет позднее Фукидид, что, разоряя страну, они за несколько лет сокрушат могущество афинян (Thuc. V. 14. 3). Тогда многие в Греции полагали, что при вторжении пелопоннесцев афиняне в лучшем случае продержатся два-три года (Thuc. VII. 28. 3). На памяти у всех были, конечно же, события 446 г. до н. э., когда спартанский царь Плистоанакс вторгся в Аттику, что, в сущности, и заставило Афины капитулировать⁶.

В этой связи любопытен следующий пассаж из речи Архидама: «Быть может, кто-нибудь полагается на то, что мы превосходим афинян хорошо вооруженными силами, и потому можем часто делать набеги на их землю и опустошать ее. Но во власти афинян много другой земли, все же нужные запасы они могут доставлять себе морем» (Thuc. I. 81. 1). Во время набегов, считает Архидам, следует как можно дольше удерживаться от разорения полей – с тем, чтобы «не доводить врагов до отчаяния и тем не вселять в них более упорное сопротивление» (Thuc. I. 82. 4).

Архидам настойчиво повторяет, что у Спарты нет ни флота, ни денег, столь необходимых для победы над врагом, обладающим и тем и другим (Thuc. I. 80. 3-4). Он заявляет, что война «зависит не столько от вооруженных сил, сколько от денежных средств, с помощью которых вооруженные силы только и могут принести свою пользу, особенно война континентальной державы против морской» (I.83. 2).

Услышать подобное из уст спартанского царя было бы по меньшей мере странно. Аргументы Архидама, резонно замечает Г. Уэстлэйк, созвучны мыслям Перикла, а также напоминают идеи самого Фукидода, высказанные им в Археологии⁷.

Иную позицию, как известно, занял спартанский эфор Сфенелайд, сумевший склонить большинство присутствовавших на свою сторону (Thuc. I. 86). Состоявшееся сразу после обмена речами голосова-

⁵ См.: Brunt P. Spartan policy and strategy in the Archidamian War//Phoenix. Vol. 19. 1965. № 4. P. 263; Rhodes P.J. Thucydides History II. Warminster, 1988. P. 24.

⁶ Brunt P. Op. cit. P. 264 ff.

⁷ По мнению Г. Уэстлэйка, речь Архидама является лишь звеном в цепи речей, звучащих в I-ой книге Фукидода (*Westlake H.D.* Op. cit. P. 124-125). Дж. Кокузэлл, наоборот, видит в речи проявление мудрости Архидама (*Cawkwell G* Op. cit. P. 45 ff.).

B. R. Гуцин

ние показало, что в большинстве были те, кто высказывались за войну (Thuc. I. 87. 3). Страх перед ростом афинского могущества оказался сильнее опасений нарушить мирный договор.

Однако до начала военных действий было еще далеко. Лакедемоняне не торопились с объявлением войны. Прежде всего они решили вопросить Дельфийский оракул относительно перспектив войны. «Говорят, — пишет Фукидид, — бог отвечал, что они одержат победу, если будут воевать с полным напряжением сил; сам же он, будет ли призван или нет, станет содействовать им» (Thuc. I. 118. 3). После этого спартанцы вновь собрали союзников, желая поставить на голосование вопрос об объявлении войны (Thuc. I. 119). Хотя большинство из присутствовавших высказалось за войну, лакедемоняне опять-таки не спешили с ее началом. «В необходимых приготовлениях до вторжения в Аттику и открытого начала военных действий, — сообщает Фукидид, — прошло около года» (Thuc. I. 125. 2). В течение этого года лакедемоняне отправляли в Афины посольства с различными требованиями, стремясь найти подходящий повод для начала войны (Thuc. I. 126. 1)⁸. За всем этим, по-видимому, скрывалось стремление Архидама и его сторонников разрешить кризисную ситуацию мирным путем (Plut. *Per.* 29).

Активная подготовка к военным действиям начинается, по словам Фукидиса, лишь после платейских событий (Thuc. II. 7. 1). «Лакедемоняне тотчас после платейских событий разослали приказание по городам Пелопоннеса и по союзникам вне его вооружать войска и заготовлять все необходимое к далекому походу, так как они намерены вторгнуться в Аттику» (Thuc. II. 10. 1).

Две трети войск спартанцев и их союзников было собрано на Истме (Thuc. II. 10. 2). Возглавлял их Архидам, которому предстояло вторгнуться на территорию Аттики. Перед вторжением спартанский царь собрал стратегов и высших должностных лиц и обратился к ним с речью, в которой познакомил их со своим планом (Thuc. II. 12). Архидам надеялся, как неустанно утверждает Фукидид, что афиняне вступят с ним в битву, чтобы избежать опустошения своей страны. Настойчивость, с какой эту мысль повторяют Архидам и Фукидид, вызывает недоумение у некоторых исследователей⁹.

Между тем Фукидид дает понять, что и сам Архидам понимал некоторую, мягко говоря, условность подобных расчетов. В частности, численное превосходство пелопонесцев вполне могло удержать

⁸ Спартанцы требовали то удалить из Афин «оскверненных», имея в виду родственные связи Перикла с Алкмеонидами (Thuc. I. 126. 2-3), то предоставить автономию Эгине, то отменить мегарские декреты (Thuc. I. 139. 1).

⁹ См.: *de Romilly J. Les intentions d'Archidamos et le livre II de Thucydides// REA. T. 64. 1962. № 3-4.*

Архидам и начало Пелопоннесской войны

афинян от попыток вступления с ними в открытое сражение (Thuc. II. 11. 3). Кроме того, сведения, которыми он располагал, свидетельствовали о том, что афиняне не собирались встречать его у границ Аттики. «Пелопонесцы собирались еще на Истме и были в пути перед вторжением в Аттику, – пишет Фукидид, – когда Перикл, сын Ксантиппа, один из десяти стратегов, узнал о предстоящем вторжении» (Thuc. II. 13. 1). Именно тогда он выступил перед афинянами и предложил им перебираться в город, что и было сделано (Thuc. II. 14. 1-2). И все же Архидам с завидным упорством заявлял: «Следует твердо надеяться, что афиняне вступят в битву с нами, хотя бы теперь, пока мы еще не в их стране, они и не трогались с места» (Thuc. II. 11. 6).

Стоит ли удивляться, что некоторые исследователи считают его план заведомо ошибочным¹⁰. На что же рассчитывал Архидам? Ответ на этот вопрос мы попытаемся дать в заключении нашей работы.

Накануне вторжения Архидам отправляет в Афины спартиата Мелесиппа в надежде на уступчивость афинян. Однако те даже непускают Мелесиппа в город (Thuc. II. 12. 1-5). Лишь после этого пелопонесцы подходят к Платеям и начинают опустошать их поля (Thuc. II. 12. 5).

Почему же Архидам не двинулся в Аттику сразу? Причина была, по-видимому, в том, что Архидам стремился максимально оттянуть вторжение, с тем чтобы, как он сам некогда говорил, не доводить врагов до отчаяния и не вселять в них стремление к упорному сопротивлению (Thuc. I. 82. 4).

После Платеи войско Архидама все же двинулось к Аттике. Вторжение предполагалось совершить у Энои – mestечка на границе Аттики с Беотией. Здесь афиняне всякий раз, когда начиналась война, держали гарнизон (Thuc. II. 18. 2). Близ Энои был устроен лагерь и началась подготовка к штурму ее укреплений (Thuc. II. 18. 1-5)¹¹.

Описывая осаду Энои, Фукидид замечает, что пелопонесцы, готовясь к штурму, бесполезно тратили время¹². Здесь впервые стала звучать критика в адрес Архидама, который, «казалось, вяло вел войну и питал расположение к афинянам, не советуя энергичного способа

¹⁰ Westlake H.D. Op. cit. P. 126, de Romilly J. Op. cit.

¹¹ Осада Энои имела стратегический смысл, поскольку прикрывала маршрут в Беотию, которая была источником снабжения пелопонесского войска (Hammond N.G.L. Studies in Greek history. Oxf., 1973. P. 417-446, Westlake H.D. Op. cit. P. 126-127). От обеспечения продовольствием, в частности, зависела продолжительность вторжения. Позднее Фукидид напишет, что пелопонесцы, пробывшие в Аттике столько времени, на сколько у них хватило продовольствия, отступили обратно через Беотию (II. 23. 3).

¹² Описывая осаду Энои, Фукидид использует едва ли не весь словесный арсенал для обозначения медлительности (Westlake H.D. Op. cit. P. 127-128).

B. P. Гуцин

действий. После того, как войско было в сборе, происшедшая остановка на Истме и промедление в остальном пути, а в особенности задержка подле Энои, вызвали неудовольствие против Архидама. В самом деле, за это время афиняне со своим имуществом переселились в город, пелопоннесцы же полагали, что быстрым натиском можно было бы захватить все это еще за городом, если бы не помешала тому медлительность Архидама» (Thuc. II. 18. 3). Последний же, как рассказывали Фукидиду его информаторы, опять-таки выжидал, надеясь, что афиняне, пока их земля еще не опустошена, пойдут на уступки (Thuc. II. 18. 5)¹³.

Осада Энои закончилась неудачей, поэтому пелопоннесцы двинулись в Аттику. Учитывая тогдашнюю военную стратегию, время было избрано удачно – разгар лета, когда хлеба созревали на полях (Thuc. II. 19. 1). Прибыв в Аттику, Архидам занялся опустошением Элевсина и Триасийской равнины, после чего расположился лагерем подле Ахарн (Thuc. II. 19. 2). И здесь он принял выжидать, надеясь, что афиняне вступят с ним в битву (Thuc. II. 20. 2-5). Впрочем, это не было простым ожиданием. Пелопоннесцы активно опустошали окрестные территории (Thuc. II. 20. 2, 23. 1), подбираясь даже к Афинам. Перикл непрерывно высыпал конницу, которая должна была пресечь неприятельские нападения на близкие к городу поля (Thuc. II. 22. 2).

Своими действиями Архидам как будто напоминал афинянам о событиях не столь отдаленного прошлого, которые в свое время заставили их капитулировать¹⁴. Данная мера преследовала, по-видимому, не только военные, но и психологические цели.

И действительно, психологический эффект был очевиден. «Все, в особенности молодежь, – писал Фукидид, – решили, что нельзя более терпеть и что следует идти на неприятеля ... Возбуждение охватило весь город; граждане негодовали на Перикла, не вспоминали никаких его прежних внушений, но все брали (ἐκάχιζον) его за то, что, будучи стратегом, он не ведет их в битву, и считали его виновником всего того, что им приходилось терпеть» (Thuc. II. 21. 2, 3). К Периклу, сообщает Плутарх, «постоянно приставали с упреками многие из его собственных друзей ... многие из врагов угрожали ему и бросали

¹³ Очевидно, Архидам еще не оставил надежду избежать войну (*Kagan D. The Archidamian War. Ithaca, N.Y., 1974. P. 50, Bloedow E. Archidamus the ‘intelligent’ Spartan//Klio. Bd. 65. 1983. N. 1. P. 30*).

¹⁴ «Пока войско находилось в Элевсине и на Триасийской равнине, афиняне питали еще некоторую надежду, что неприятель не подойдет ближе; им пришел на память царь лакедемонян Плистоанакс, сын Павсания, когда за четырнадцать лет до этой войны он вторгся в Аттику с пелопонесским войском именно в Элевсин и Триасий, но не пошел дальше и вернулся назад» (II. 21. 1).

Архидам и начало Пелопоннессской войны

ему обвинения ... хоры распевали язвительные песни, стыдя его и понося его за способ ведения войны, считая его образ действий трусивым, так как он передал инициативу в руки врагов» (Plut. *Per.* 33, пер. С. Я. Лурье). С большим трудом Периклу удалось удержать народ от необдуманных шагов¹⁵.

Вскоре пелопоннесцы покинули Аттику. Диодор полагал, что на это решение повлияла ответная мера афинян, которые выслали к берегам Пелопоннеса сто кораблей с 1000 гоплитами и 400 лучниками на борту (Diod. XII. 42. 7, см. также: Thuc. II. 23. 2, Plut. *Per.* 34)¹⁶. Впрочем, Фукидид говорит, что пелопоннесцы пробыли в Аттике столько времени, на сколько у них хватило запасов (Thuc. II. 23. 3).

Второе, самое продолжительное вторжение произошло на следующий год – весной 430 г. до н. э. (Thuc. II. 47. 2). Оно длилось более месяца – около 40 дней (Thuc. II. 57. 2)¹⁷. На сей раз значительно выросли масштабы опустошения. Мы слышим об опустошении равнины, а также приморских районов Аттики – Паралия и Лавриона (Thuc. II. 55. 1). К сожалению, Фукидид не сообщает подробностей данного вторжения. В Афинах в это время начинается чума, поэтому детали вторжения Архидама становятся для Фукидида второстепенными¹⁸.

Пока пелопоннесцы опустошали равнину, Перикл вновь подготовил сто кораблей для отправки к Пелопоннесу, с каковыми сам отправился в поход (Thuc. II. 56. 1-6). Однако отправка кораблей, судя по сообщению Фукидида, не помешала Архидаму двинуться в приморский район. Лишь узнав о начавшейся в Афинах чуме, пелопоннесцы поспешили покинуть Аттику (Thuc. II. 57. 2).

Очередное вторжение пелопоннесцев, как уже было сказано, совпало с началом в Афинах чумы, что усилило его психологический эффект. Вторжение и чума становятся серьезным испытанием для Перикла и афинян. Критика действий Перикла достигает в это время наибольшей остроты¹⁹. На сей раз его обвиняли в том, что он запер афинян в городе, как скот в хлеву, из-за чего, собственно, и началась

¹⁵ По мнению Г. Уэстлэйка, Фукидид, рассказывая об этом, стремился показать, что хотя расчеты Архидама оказались ошибочными, они не были совершенно неосновательными (*Westlake H.D.* Op. cit. P. 129). Более справедлива, на наш взгляд, оценка Э. Бледова, который считает, что афинян спасли от неминуемого поражения лишь действия Перикла, не созывавшего народное собрание (Thuc. II. 22. 1, *Bloedow E.* Op. cit. P. 35).

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Westlake H.D.* Seaborne raids in Periclean Strategy// CQ. Vol. 39. 1945. № 1.

¹⁷ Brunt P. Op. cit. P. 265.

¹⁸ Westlake H.D. Individuals... P. 132.

¹⁹ Rusten J.S. Thucydides: The Peloponnesian War. Book II. Cambridge, 1989. P. 196.

B. P. Гуцин

чума (*Plut. Per.* 34). Наконец, напуганные афиняне посчитали его виновником развязывания войны. «С одной стороны, — пишет Фукидид, — они стали обвинять Перикла за то, что он склонил их к войне, и что через него они подверглись несчастиям; с другой, они склонны были заключить мир с лакедемонянами и послали к ним несколько послов, но ничего не достигли» (*Thuc. II. 59. 2*)²⁰.

Фукидид говорит, что в своем раздражении афиняне наложили на Перикла штраф (*Thuc. II. 65. 3*). Диодор и Плутарх сообщают, что Перикл на время был отрешен от должности стратега (*Diod. XII. 45, Plut. Per. 35*). Однако вскоре после этого (штрафа? отрешения от должности?) Перикл, по словам Фукидиса, вновь был избран стратегом (*Thuc. II. 65. 4*).

В 429 г. Архидам принял участие в нападении на Платеи (*Thuc. II. 71. 1*), а еще через год — в 428 г. в очередном нашествии на Аттику (*Thuc. III. 1-2*)²¹. О последнем событии Фукидид сообщает несколькими фразами. Вновь пелопоннесцы опустошали поля, на которых начинали созревать хлеба. Этому вторжению пыталась препятствовать афинская конница.

Итак, как же следует оценить роль Архидама в описанных выше эпизодах? Мы уже говорили, что исследователи по-разному отвечают на этот вопрос: одни считают действия Архидама ошибочными, другие видят в них тонкий расчет²². Ни та, ни другая точка зрения, на наш взгляд, не дает ключ к пониманию поведения Архидама. С одной стороны, в нем немало странного, если вспомнить его медлительность и вялую осаду Энои, но с другой — тактику Архидама в Аттике, особенно во время второго вторжения, не назовешь неэффективной.

Нам представляется, что ответы на поставленные вопросы следует искать в иной сфере. В действиях Архидама ощущается некоторая неуверенность, если не сказать растерянность. Какова же ее причина? Главное заключалось в том, что Архидам не хотел этого столкновения и всеми силами стремился избежать его. Он понимал, что в случае начала войны лакедемоняне окажутся ее виновниками, поскольку именно они нарушили ранее заключенный мирный договор. Вероятно, данное обстоятельство главным образом и заставляло спартанского царя по мере своих сил и возможностей избежать грандиозного столкновения с Афинами и их союзниками. Хочется обратить внимание, что в исследовательской литературе этот момент вовсе не берется в

²⁰ Можно сказать, что цели Архидама были достигнуты — афиняне готовы были пойти на уступки и заключить мир. Однако спартанцы не захотели заключить его, по-видимому, чувствуя себя победителями.

²¹ См. об этом: *Westlake H.D. Individuals...* Р. 132 ff.

²² К числу первых следует отнести Г. Уэстлэйка. Э. Бледов, наоборот, видит в действиях Архидама стратегический расчет (*Bloedow E. Op. cit. Р. 27-49*).

Архидам и начало Пелопоннесской войны

расчет. Чаще всего говорится о том, что Архидам не хотел начала войны *в данный момент*, понимая, что Спарта пока еще не была должным образом подготовлена к войне²³.

Действительно, нельзя сбрасывать со счетов полученный лакедемонянами оракул: победа достанется им в том случае, если они будут воевать с полным напряжением сил. Последнее, впрочем, у людей здравомыслящих едва ли вызывало сомнения. О трудностях грядущей войны говорил и Архидам в своем первом выступлении на народном собрании.

Все это вместе взятое не могло не наложить отпечаток на действия спартанского царя, который все (или почти все) сделал для того, чтобы предотвратить войну или максимально отдалить ее развязывание. Не добившись успеха, он вынужден был двинуть войска в Аттику.

Теперь возникает вопрос о том, чем объяснить странности поведения Архидама во время войны. Частично мы уже ответили на этот вопрос. Точнее сказать, устами Фукидида ответил сам Архидам. Во-первых, он стремился склонить афинян к мирному разрешению конфликта, применяя, по словам Э. Бледова, тактику усиливающегося давления²⁴. А во-вторых, он *действительно* надеялся на то, что афиняне пожелаюут вступить с ним в открытое сражение. Основной целью любого гоплитского войска является защита собственной территории и обрабатываемых земель²⁵. Именно этого требовали от Перикла афиняне во время первого вторжения Архидама в Аттику. Лишь идущая вразрез с существовавшими традициями тактика Перикла спасла афинян от катастрофы. Тем не менее, уклонение от сражения с лакедемонянами они расценивали как позорную трусость²⁶.

²³ Cawkwell G. Thucydides. P. 35 ff.

²⁴ Bloedow E. Op. cit. P. 30, 32 ff.

²⁵ Osborne R. Classical Landscape with Figures. London, 1987. P. 137 ff.; Spence I.G. Perikles and the Defence of Attica during the Peloponnesian War//JHS. Vol. 110, 1990. P. 92.

²⁶ Spence I.G. Op. cit. P. 105.

B. P. Гүцүн

Archidamus and the beginning of the Peloponnesian War

V. R. Gushhin

It is well known that the Peloponnesian War began with the invasion of the Spartans and his allies into Attica under commandership of Spartan king Archidamus. That is why first period of the Peloponnesian war bears a name of this Spartan king.

Thucydides portrays Archidamus as man of intelligence who understood seriousness of the coming conflict with Athens and correctly foresaw its difficulties. Archidamus, as Thucydides informs us, was not a fervent champion of war with Athens. In his speech on the eve of war he strongly advised to the Spartans to keep in with the Athenians. Sparta, he thinks, was not ready to war this moment. She had not the same financial resources and naval forces. Spartan traditional military tactics consist in devastation enemy's territory and in pitched battle as well. In his speech Archidamus doubted in success of these methods. Thus, the war with Athens, he thought, menaced to be a long one.

Nevertheless Sparta declared a war. Archidamus was appointed on commandership of the Peloponnesians. Thus, Spartans that were guilty of the beginning of the war. Being aware of it Archidamus tried his best to restore peace with Athens. His military actions were often qualified as mistakes or typically Spartan slowness. But thorough analysis demonstrates that these actions were rather well-founded. Archidamus' efforts would be more effective, but his opponent was Pericles.